

Миронов Андрей

1987, 2/15

145

ПАМЯТИ АРТИСТА

«Тишина, ты — лучшее из всего, что слышал».

Эта строка Пастернака самовольно обитала в моем слухе и уме, затмевая слух, заменяя ум, 20 августа 1987 года, когда Москва прощалась с артистом Андреем Мироновым.

В тот день в последний раз его пребывания на сцене я не видела его, стояла неподалеку, рядом, положила цветы, смотрела на прибывающие слезы и цветы, слышала упомянутую строку.

Когда в тот день я подошла к его Театру, я оробела перед неисчислимым множеством людей, желавших того же: войти в Театр. Хотела отступить, уйти, и это уже было невозможно. Люди — избранныки из множественного числа толкающегося и прерывающегося беспорядка — отступились от честной своей очереди, я вошла, они остались. И снова (Шукин, Высоцкий, Миронов) я подумала: множество людей не есть сборище толпы, но человек, человек, человек... — человечество, благодарное и благодарное собрание народа, понесшего еще одну утрату.

Артист, о котором... без которого...

Сосредоточимся. Начнем сначала, лишь изначальность соответствует бесконечности, детство — зрелости. Талант и талант, имя и имя его родителей — известны и досточтимы. Счастье заведомо сопутствовало его урождению и воспитанию. От природы и родителей — сразу данный, совершенный дар безукоризненной осанки, повадки, грациозного поведения тела в пространстве, музыкальности и иронии. Природенный ум рано встретился с прекрасными книгами, у него была драгоценная возможность читать, читать. Всегда любясь им, я любила совпадение наших читательских пристрастий.

Старая привычка и старинному просторечно позволяет мне написать: «из хорошей семьи». Устаревшее это определение (и не жалеть его языковой низкородности) состоит в каком-то смутном родстве с прочным воспоминанием о том, как я увидела Андрея Миронова в первый раз, не из зала, а вблизи, в общей суетоке

житейского праздника. Он был неизмеримо и трогательно молод, уже знаменит, пришел после спектакля и успеха, успехи же только брали разгон, нарастали, энергия нервов не хотела и не умела возыметь передышку, в гостях он продолжал быть на сцене, взгляда и слуха нельзя было от него отвлечь. Все это вместе пугало беззащитностью, уязвимостью, в моих нервах отражалось болью, причиняло какую-то старшую заботливую грусть. Он непрерывно двигался и острил, из глаз его исходило зимнее голубое облачко высокой иронии, отчетливо различимое в дымной голубизне воздуха, восхищение этим зрелищем становилось трудным, утомительным для зрения. Но вот — от вежливости — он придержал предо мною крылья расточительного полета, я увидела бледное, утомленное лицо, украшенное старинным, мягким, добрым изъяснением черт, и подумала: только дисциплина благовоспитанности хранит и упасает этого блестящего молодого человека от риснованной грани, на ней, «на краю».

Притягательность «опасной бездны» — непреодолима, неотвратима для Артиста и непоправима для его почитателей.

Эльдар Рязанов рассказывал, какие доблесть и изящество надобны для того, чтобы безупречным поступком прыжка соединить разъединяющиеся части моста и себя — с близким присутствием льва. Услышав, что Андрей Александрович Миронов хотя бы льва несильно опасался, чего на зрание не видно, с безутешной нежностью и тоской я улыбулась. Любый человек, и путник в львиной пустыне, может разминуться со львом. Артист — не моет. Так же он не может препоручить дублеру подвиг всего, что должен сам исполнить при жизни — и потом.

Андрею Миронову удалось совершенство образа и судьбы. Известно, что он дочитал монолог Фигаро, доиграл свою роль до конца — уже без сознания, на пути в смерть. Это опровергает разумные и смутные сведения о смерти и бессознании. Остается — склонить голову.

Белла АХМАДУЛИНА

2 СЕН 1987

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

г. Москва